

Древние храмы: их современная роль в жилой застройке

Роль, которую играют храмы в культуре России, серьёзно изменилась, но «процессы пошли» куда более сложные, нежели представлялось былым сокрушителям храмов и нынешним сторонникам глобального их возвращения церкви. Мы предлагаем читателям диалог учёных, специализирующихся в области проблем культовой архитектуры, на тему — современная роль древних храмов. Это — Иван Борисович Пуришев, архитектор-реставратор. По его проектам реставрирован ряд памятников Ярославской области, среди них — Горицкий монастырь в Переславле-Залесском, известная шатровая колокольня в Коровницкой слободе в Ярославле и другие. И. Б. Пуришев — автор книг и статей о древних городах Угличе, Переславле-Залесском, Ярославле. Он — член-корреспондент Российской Академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института (МАрХИ). Его собеседник — Валерий Исакович Рабинович, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор МАрХИ. Среди его многочисленных научных трудов по истории русской философии, социальным и эстетическим проблемам архитектуры — статьи о древних храмах и книга (совместно с профессором Ю. Н. Герасимовым) «Зодчество и православие».

с. 2

В. И. Рабинович. Действительно, произошла весьма серьёзная корректировка той роли, которую играет религия в жизни нашего общества, изменилась, в частности, роль храмов в жилой застройке — естественно, должны происходить и соответствующие изменения в оценке их исторической значимости.

Никогда, слово чести, не принадлежал к числу тех ретивых администраторов и теоретиков, которые предлагали рушить старые храмы и на их месте воздвигать такие архитектурные «чудища обло», как, скажем, Дворец Советов. В статьях и в книге твёрдо стоял за глубокое постижение сакрально-архитектурной сущности храмов, за научный анализ их функций и сложного образа, за реставрацию и использование этих архитектурных шедевров в интересах народа.

Но были, покаюсь, у меня и здесь нечёткости. Мне (и я отнюдь не был в одиночестве) представлялось, что многоцветье культуры лишь на исторически прошедшее время включало в себя культ и культовое зодчество, а в современных условиях культ довольно быстро засыпает (это «подтверждалось» и статистическими данными), а пустующим культовым сооружениям остаётся подыскивать новые функции, аналогичные и близкие их прежним функциям, — и об этом ещё речь впереди.

Теперь мы видим, как в условиях глубокого духовного кризиса некая часть нашего населения искренне упоает на тысячелетнюю православную веру, а иные лишь следуют своеобразной моде на религию и суеверия, не будучи по сути ни религиозными, ни эвангелизированными. Воспряли и другие веры — ислам, буддизм, католицизм, разные направления протестантизма. Но и в этой сложной ситуации, когда я вижу в храме бывших членов ЦК КПСС со свечами в руках — я сомневаюсь в искренности их православной веры и не могу принять их попустительства западным проповедникам христианства.

Но ведь и мода (даже не соподчинённая стилю) — часть культуры, и те же новомодные свечепоклонники — носители определённых свойств нашей нынешней, в общем и целом — далеко не процветающей культуры. И вообще религия вовсе не «антикультура», а своеобразная часть исторической и современной культуры.

*Пуришев, И. Б. Древние храмы: их современная роль в жилой застройке / И. Б. Пуришев, В. И. Рабинович // Жилищное строительство. — 1994. — №9. — С. 2—7.

Особо надо сказать о таких материальных ценностях духовной религиозной культуры, как культовые сооружения.

Безусловно, культовые сооружения на Руси строились церковью для нужд религиозного культа. Это — констатация явления на уровне очевидности. Но очевидность в науке не котируется (очами видим, что солнце всходит и заходит, однако наука давно и точно выяснила, что красное светило не ходит вокруг земной тверди; очевидность и сущность тут явно разошлись). Нашей теории ещё предстоит уточнить: в чём сущность культовых архитектурных сооружений, всецело ли она религиозная — или в большей мере архитектурная? Наряду с сакральной (религиозной) ценностью эти шедевры зодчества являются реальной архитектурно-пространственной средой для многих действ. В них, как отмечал учёный-богослов П. Флоренский, воедино «всё сплетается со всем».

с. 3

Храмы — действующие и пустующие — получают не только культовую, но и историческую и материальную, этическую и эстетическую и — всегда — архитектурную оценку.

И что же нам делать в городах и посёлках с этими запущенными и пустыми старыми храмами? Безжалостно сносить? Нет и нет. Жалобно соболезновать их гибели? Да что в том толку... Их следует сохранять и реставрировать, — но каково положение дел с их реставрацией ныне?

И. Б. Пуришев. Положение дел с охраной архитектурных памятников, в том числе и храмов, — тревожно. Оно хуже в настоящем, чем было несколько лет тому назад. Положение в сфере экономики, обесценивание денег, спад производства не могли не сказаться на деле охраны и реставрации памятников зодчества. Реальные средства, отпускаемые на реставрацию памятников, значительно сократились.

Конечно, реставрационные работы продолжаются, восстанавливаются многие памятники в Москве, Санкт-Петербурге, медленно, но движется реставрация в Соловецком монастыре и в других местах. Но происходят в реставрационном деле и процессы, заметно осложняющие ситуацию. Это, в частности, распад многих реставрационных мастерских, ослабление научно-технического надзора и контроля за реставрацией памятников, раздел и дробление ценных архивов реставрационных учреждений.

Вот несколько примеров. Одной из лучших областных реставрационных мастерских считалась Ярославская научно-реставрационная производственная мастерская, имевшая крепкую хозяйственную базу и квалифицированный научный состав. Недавно, к удивлению многих сотрудников мастерской, она стала дочерним предприятием совместной фирмы «Фононинтернейшнл». Это не устроило многих, и от мастерской стали отходить, откалываться разные её участки. Появились свои реставрационные отделения в Ростове Великом, Рыбинске, Переславле-Залесском. Но и на этом дело не закончилось. Эти мелкие реставрационные подразделения вновь раздробились. Естественно, разрушается налаженная система руководства реставрационными работами.

В. Р. Но ведь налицо видимость бурной реставрационной деятельности: запустевшие церкви оживляются, белятся, красятся, возносятся на их главы сияющие кресты...

И. П. Мне кажется, что особо бурной реставрационной деятельности не очень-то заметно. То, что временами бросается в глаза — покраска, побелка, золочение крестов — это ещё не архитектурная реставрация самой исторической основы культовых сооружений.

К сожалению, серьёзная реставрационная работа идёт по немногим древним сооружениям. Силы профессиональных реставраторов не могут охватить не только все памятники, но даже заметную их часть, которая нуждается в восстановлении, а количество их даже трудно подсчитать, поскольку бесхозные памятники быстро приходят в аварийное состояние, и с каждым годом их число возрастает.

с. 4

В. Р. Небесполезно вспомнить: а сколь много в нашей стране было древних культовых сооружений и сколько же ныне осталось памятников культового зодчества?

В условиях господствующей в России удивительной бесхозности в отношении старинных и нередко бесценных архитектурных сооружений, как оказалось, никому этот факт неизвестен.

Для того чтобы показать тщетность даже поисков твёрдых статистических данных о количестве храмов на Руси, отметим, что бюрократы из подведомственного царской власти Святейшего

Синода учитывали не число архитектурных культовых сооружений, но лишь количество действующих церквей и монастырей (а в каждом из них стояла вовсе не единственная церковь), заброшенные же, заштатные каменные и деревянные шедевры древнего зодчества тут вовсе в счёт не шли. Мечети и костёлы, дацаны и синагоги учитывались (если учитывались) другими инстанциями, число молитвенных домов старообрядцев и иных гонимых сект скрывалось, причерноморские руины древнегреческих храмов и останки древнеславянских языческих капищ вообще никого не интересовали.

Попробуем всё же назвать хотя бы ориентировочные сводные данные о числе всех храмов на Руси. По данным святейшего синода до 1917 г. в Российской империи было 77 727 действующих православных храмов и 1 025 православных монастырей; по обнаруженным данным мечетей было 25 000, культовых сооружений всех иных конфессий, видимо, что-то порядка 30 000. Итого до 1917 г. на территории Российской империи существовало порядка 130—140 тысяч культовых сооружений.

Число культовых сооружений на Руси было огромно. Заметим, что оно в сотни раз превышало совокупное число университетов и научных лабораторий, театров и музеев. Вместе с тем эти храмы представляли колоссальные, накопленные поколениями народа страны ценности — сакральные и материальные, художественные и исторические.

К сожалению (и об этом надо прямо говорить), весьма значительная часть этих культовых сооружений погибла. А вот по чьей вине? Ответ тут не может быть сведён к какой-либо единственной причине. Исторические факты убедительно показывают, что старые церкви искони сносились и самими церковниками (так, православная церковь стёрла с лица русской земли все языческие храмы-капища, а в XIX веке святейший синод своей политикой «поновления» искажил облик многих деревянных храмов).

Что касается причин гибели большого ряда церквей в СССР, то, как известно, многие из них погибли в годы гражданской и, в особенности, — сам это не раз видел — Отечественной войны. Ряд церквей крайне обветшал или был снесён по градостроительной необходимости.

Но и у нашего руководства была большая доля вины в гибели многих культовых сооружений разных конфессий. Однако взять на себя всю вину за уничтожение всех исчезнувших в XX веке церквей, мечетей и синагог мы не имеем резонанса.

Так или иначе в нашей стране, и это большая культурная потеря, погибли десятки тысяч культовых сооружений. Сколько — мы могли бы узнать путём вычитания из числа наличествующих в начале века числа сохранившихся к его концу. Но и это число, оказывается, установить непросто.

Официальные данные Совета по делам религий на начало 80-х годов гласят: в СССР функционировало примерно 10 000 православных храмов и 10 000 культовых сооружений иных конфессий; итого — наличествовало 20 000 действовавших культовых сооружений. Эти «данные» оказались несколько «улучшенными». Но в результате того, что за последние годы верующим были возвращены несколько тысяч храмов, цифры эти приблизились к реальности.

Но ведь не действовавших как культовые сооружения храмов у нас всё равно больше. Наш анализ выборочных статистических данных свидетельствовал об устойчивой пропорции: из всех существовавших в СССР храмов примерно $\frac{1}{4}$ были действующими, $\frac{1}{4}$ — более или менее удачно используемые под новые культурные функции; $\frac{1}{4}$ — используемые под крайне неудачные функции складов, $\frac{1}{4}$ — пустующие, заброшенные. Итого, можно (умножая число действующих храмов на четыре) полагать, что ныне в нашей стране наличествует порядка 70—80 тысяч зданий культовых сооружений различных конфессий.

Культовые сооружения — часть нашего культурного наследия. Часть, но важная. Ею надо берегать, о всех сохранившихся храмах необходимо заботиться.

Велика степень разрушений многих храмов. Огромные средства и силы необходимы для их восстановления.

И. П. Не следует забывать, что кроме реставрации — восстановления прежнего облика памятника зодчества — существует и понятие консервации — когда без больших затрат сохраняется, консервируется данное положение зданий, которые до поры и до времени могут и дальше сохраняться в полуразрушенном состоянии, но не будут активно разрушаться.

Метод консервации особенно важен в отдалённых местах, где трудно вдохнуть жизнь в пустующие древние здания. К сожалению, и на консервацию не хватает средств. Есть и другая причина: некоторые реставрационные мастерские не любят заниматься подобными работами по консервации памятников.

Особенно сложно положение дел в отдалённых, опустевших, а иногда и полностью обезлюдивших местах, где нет дорог и почти не бывает людей, — таковы монастыри и церкви в ныне запустевших местностях. Особенно много их на Севере.

с. 5 **В. Р.** Тут особо остро встаёт вопрос о том, кто же хозяин архитектурных памятников. В связи с этим возникает и другой вопрос — кому эти ценности, эти десятки тысяч архитектурных культовых сооружений искони принадлежали? Обыденное сознание тут, как и всегда, не ведаёт сомнений: ну, конечно же, церкви (уже само единственное число в наименовании хозяина свидетельствует: подразумевается православная церковь). Но дело здесь гораздо сложнее. Не говоря уже о том, что до 1917 года сама господствующая православная церковь не была отделена от государства, а ею Святейший Синод был просто государственным учреждением, существовало немало придворных, ведомственных, домовых, то есть частновладельческих церквей. Ни государству, ни синоду не принадлежали десятки тысяч храмов и молельных домов иных конфессий — старообрядцев, католиков и протестантов, мусульман, иудаистов, буддистов. «Ничейными» были заброшенные храмы. При этом многие храмы были воздвигнуты на пожертвованные капиталы или собранные «с кружкой» пятаки и гроши. А главное — все они были воздвигнуты талантами зодчих, трудами десятков поколений народных строителей.

Все древние храмы представляют собой воистину всенародное историческое достояние и наследие и по справедливости должны принадлежать всем гражданам — как тем, кто сохранил полностью или частично веру предков, так и тем потомкам, кто твёрдо верует лишь в святую силу искусства, запечатлённую в древних шедеврах.

И вот на все эти храмы церковники ныне предъявляют подчас не вполне законный спрос, вне зависимости от того, им ли они ранее принадлежали. Однако не ясно, сможет ли церковь быстро и радикально «освоить» это наследие, в особенности в таких некогда культовых центрах, перенасыщенных храмами, как Суздаль, Углич, Каргополь, да и в почти пустых деревнях, где и прихода для содержания причта не наберётся.

И всё же дело здесь не в том, кто будет владеть этими храмами — церковные организации или местные советы. Дело в том, насколько грамотно они этим добром распоряжаются. Если храмы используются под культовые или иные культовые функции — им жить, если функции эти неподходящие для них или, что ещё хуже, они вообще не функционируют — им суждено погибать.

Дело в том, что архитектурные сооружения (такова их социально-эстетическая природа) обязательно должны функционировать, использоваться — иначе они станут катастрофически разрушаться. Жилой дом, в котором не живут, ещё не жилой дом: либо он находится в состоянии постройки, либо становится загаженной руиной. Божий дом, в котором не идёт духовная жизнь (традиционная или современная), несмотря на мощь его стен, становится объектом бесхозности, грабежей и актов вандализма; даже «вековой износ» его стен переходит в стадию катастрофического растаскивания «по кирпичику». Для того чтобы архитектурное сооружение (жилое, театральное, культовое) жило, оно должно функционировать — таков закон жизни архитектуры.

И напрасно полагают, что беда полуразрушенных храмов в отсутствии благодетелей-спонсоров, которые дадут деньги на их реставрацию. Даже новые наши предприниматели не способны тут потягаться с советским государством, которое и в былые застойные годы отпускало на реставрацию храмов в год по тогдашним ценам — по 100 миллионов. Сотни миллионов уходило, а свежеекрашенные, но бесхозные храмы почти с космическими скоростями очередной раз превращались в руины.

Дело здесь не столько в хозяине храма, сколько в жизненном их функционировании.

И. П. И всё же одной из самых отрадных примет нашего времени является возвращение культовых сооружений их бывшим владельцам. После долгих лет унижений, выпавших на долю церквей разных конфессий, восстанавливается историческая справедливость. Это не может не радовать.

Однако, как показывает практика, положение здесь не так просто и однозначно, как может показаться на первый взгляд. К сожалению, есть примеры неправильного отношения новых владельцев к зданиям, являющимся памятниками архитектуры, то есть всенародным достоянием. Некоторые священнослужители забывают, что вернувшийся к ним храм — памятник зодчества, где ремонты и перестройки можно вести только с разрешения органов охраны памятников и под строгим научным руководством. Уже есть немало примеров грубого нарушения закона

об охране памятников нашего исторического прошлого. В одном из старейших храмов Москвы, в церкви Трифона в Напрудной слободе для установки батарей отопления выбита древняя белокаменная кладка начала XIV века. Без согласования с органами охраны памятников в Ярославле сделана обширная кирпичная пристройка к церкви в Крестах, у Сретенской церкви в Переславле-Залесском новый сарай сооружён над могилами старого кладбища. Таких примеров, к сожалению, немало.

Другой сложной проблемой является отношение церкви к зданиям, используемым культурными учреждениями, музеями, реставрационными мастерскими. В годы так называемого «воинствующего атеизма», когда взрывались и разбирались на кирпич многие храмы и монастыри, одним из способов их спасения было размещение в них учреждений культуры. Музеи спасли от разрушения, сохранили и нередко реставрировали многие культовые сооружения, и в том их бесспорная историческая заслуга. Сейчас многим музеям и реставрационным мастерским предлагается быстро покинуть их обжитые помещения. Не возражая в принципе против возвращения зданий их прежним владельцам, я считаю, что эти вопросы нужно решать постепенно, без ущерба для учреждений культуры.

с. 6

Возникали проблемы с переселением музея архитектуры имени А. В. Щусева, долгие годы размещавшегося в Донском монастыре. Следует напомнить, что сотрудники Музея архитектуры не только сохранили архитектурные сооружения монастыря, белокаменные надгробия XVIII—XIX веков, дорогие для нашего народа захоронения выдающихся людей России, но и перевезли в Донской монастырь архитектурные фрагменты и детали замечательных памятников зодчества, которые предназначались к разборке и взрыву в лихие для памятников старины 1920—1930-е годы. За стенами монастыря под опекой Музея архитектуры сохранились и дошли до нашего времени наличники, карнизы, порталы уничтоженных памятников архитектуры — церкви Успения на Покровке — одного из лучших архитектурных сооружений XVII века, знаменитой Сухаревой башни, разобранного и затопленного Калязинского монастыря на Волге и других древних зданий. Сюда же были перевезены и спасены от разрушений скульптуры из разобранных дворянских усадеб и храмов и среди них — многофигурные композиции из взорванного храма Христа Спасителя. Бесспорно, что за всё это Музей архитектуры и его сотрудники заслуживают благодарности и уважения следующих поколений. Поэтому грустно было наблюдать конфронтацию, возникшую между Музеем архитектуры и представителями вновь созданного здесь монастыря.

Сложные вопросы возникают в Костроме при решении судьбы Ипатьевского монастыря, в Святогорском монастыре, где находится могила А. С. Пушкина, и в других местах.

В каждом отдельном случае эти проблемы нужно решать конкретно. Но следует при этом напомнить и о возможности совместного использования древних культовых зданий патриархией и музеями. Подобным образом разрешена эта проблема в соборах Московского Кремля, в соборе Покрова-на-рву, который более известен как храм Василия Блаженного, в Ильинской церкви в Ярославле и в других местах.

В. Р. Сейчас выдвигаются идеи о строительстве новых грандиозных соборов в старых исторических центрах (здесь не идёт речь о новых городах — Магнитогорске, Караганде, Комсомольске-на-Амуре), в тех старых городах, где немало доселе пустующих церквей. Каково ваше мнение о целесообразности новостроек подобных грандиозных храмов?

И. П. Учитывая тяжёлое состояние многих памятников архитектуры, главной заботой сегодня нужно считать восстановление древних храмов. В тех местах, где они есть, нет резона и даже морального права сооружать новые, тем более грандиозные постройки. Во многих новых городах и рабочих посёлках культовых зданий нет, и там их можно и нужно строить при наличии общин, обращающихся с соответствующей просьбой.

В. Р. Необходимо поставить ещё один вопрос: об исконном многофункциональном назначении храмов. Уж если древние храмы должны служить для духовного обогащения народов России, то — на полную мощь, с достаточно полным использованием всех функций этих архитектурных памятников, а не только для проведения литургии и сакральных обрядов. Наша беда в непонимании того, что это, прежде всего, особые архитектурные сооружения, реальная пространственная и художественная среда для особых, архитектурных функций. Следует знать и учитывать, что в архитектуре для понимания природы того или иного типа сооружений проводится анализ функционального потенциала зданий, того, для каких основных направлений деятельности предназначается и формируется внутреннее пространство зданий.

В связи с этим мы подвергли бы сомнению точку зрения, что храмы всецело служили божественному. Анализ показывает, что это были исторически обусловленные многофункциональные архитектурные сооружения. Наряду с религиозно-проповедническими и религиозно-обрядовыми функциями храмы выполняли вполне светские функции мест общения, капелл, выставочных залов, накопления сокровищ, функции оборонительные и хозяйственные (монастыри), функции мемориальные и, бесспорно, художественные.

Конечно, на первое место должны быть поставлены функции религиозно-проповеднические и религиозно-обрядовые, культовые по своему основному (но не единственному) содержанию.

Наряду с этими основными функциями церковные сооружения всегда имели и функции мест общественных и бытовых встреч. Сами священнослужители не раз возражали против такого бытового, а иногда и социально-политического (как у древнегреческих и новгородских храмов) общения. Но для того, чтобы обеспечить сбор паствы, они сами стали, в особенности в XVII—XVIII веках, возводить при православных церквях или пристраивать к ним большие трапезные, гульбища, паперти с колоннами.

Важные функции храмов — функции капелл: в храмах всегда пели, в католических — звучала органная музыка. Акустика во многих храмах потрясающая.

Храмы невозможны без фресок и икон, декоративного искусства, убранства, пышных облачений — всего того, что делает их выставочными залами культового, а подчас и весьма светского искусства.

Одна из функций культовых сооружений — быть архитектурной средой для театрализованных обрядовых зрелищ. Однако в церквях имеют место не проявления искусства театра, но именно закреплённые церковным законом «во веки веков» священные действия.

Далее, храмам фактически всегда присущи функции хранения священных сокровищ (напомним об убранстве золотом и драгоценными камнями церквей, иконостасов, облачений и митр священнослужителей). Впрочем, храмы в Новгороде подчас служили местами хранения и сокровищ вполне мирских. Отсюда возникла ещё одна функция церквей — как укреплённых и недоступных для врагов (иноземцев, мятежников и разбойников) мест.

Вообще обнесённые стенами и часто обладавшие несметными богатствами монастыри были на Руси весьма многофункциональными комплексами, архитектурными ансамблями, включавшими в себя, наряду с ядром культовых сооружений, ряд жилых зданий, общественные и учебные помещения, множество хозяйственных служб и производственных сооружений; фактически это были целостные городки, обнесённые мощными крепостными укреплениями.

Отметим и то, что древние церкви объективно начинали выполнять функции историко-мемориальные. Таковы Софийские соборы в Киеве и Новгороде, соборы в Московском Кремле.

Тут мы подошли к венчающей анализ функций культовых сооружений позиции — к указанию на их идейно-художественные функции. Отметим, что архитектурный образ культовых зданий (это характерно для всего зодчества) отразил не только дух разных исторических эпох, но и разнообразие их социально-архитектурных функций. Именно эта многофункциональность культовых зданий приводила общество к необходимости создания монументальных, величественных и художественно выразительных храмов.

И. П. Вот поэтому-то и хотелось подчеркнуть, что дело спасения древних сооружений в новых исторических условиях по-прежнему зависит от государственной поддержки и от инициативы людей, способных вложить свои сбережения в благородное дело охраны памятников архитектуры, от инициативы религиозных общин разных конфессий. История показывает, что добрые дела по сохранению архитектурных памятников культур разных народов надолго остаются в памяти людей и вспоминаются добрым словом.